

И. И. Муллонен

О "СВЯТЫХ" ТОПОНИМАХ И НЕКОТОРЫХ СЛЕДАХ
ДРЕВНИХ ВЕРОВАНИЙ В ВЕПСКОЙ ТОПОНИМИИ

Если попытаться одним словом обозначить общий характер вепской топонимии, то им могло бы быть слово "прагматизм". Данная особенность явствует в целом топонимии южной Карелии (т.е. населенной карелами - ливвиками и лядиками, близкородственными в языковом отношении вепсам), которая достаточно последовательно отражает то, что целесообразно с точки зрения хозяйственного назначения. Такая прозаичность южнокарельской и вепской топонимии особенно заметна на фоне географических названий северной Карелии. Последние намного образнее, в них ощущается персонификация реалий окружающей природы, в них сильны мифологические представления. В этом факте, очевидно, отражается определенное отношение человека к миру, к природе в условиях господства промысловой культуры, существенные элементы которой они, видимо, до сих пор сохраняют в беломорской Карелии. В недавнем прошлом эти элементы были преобладающими. На юге же Карелии основной стержень номинации - это географическая реальность как объект хозяйственного использования. Один наглядный пример. Известно, что в топонимии широко отражается растительный мир, однако анализ доказывает, что топонимия очень избирательно подходит к миру флоры. Из всего многообразия его представителей в вепской топонимии закрепились лишь некоторые - те, которые представляют определенную практическую ценность для человека. Какая-нибудь неприметная вахта трилистная (вепс. *vehk*) оказывается для топонимии значительно важнее многих прочих растений,

ибо она находила широкое применение в жизни местного населения. Ее использовали в народной медицине, в голодные годы корень этого растения добавляли в хлеб. Видимо, именно этим обусловлены многочисленные *Веккозера* и *Вехручи* на вепской и смежной с ней русской территории, возможно, населенной в прошлом вепсами. Данная, если можно так выразиться, утилитарная направленность вепской топонимии продиктована производным характером культуры местного населения. Сельское хозяйство - основа экономики, и именно им определяется во многом взгляд на мир, его оценка.

Вместе с тем на этом общем прагматическом фоне (а может быть и благодаря такому общему фоку) особенно заметно выделяется одна группа топонимов, которая не укладывается в общую схему названия на основе принципа целесообразности. Это семантическая группа "фауна", т.е. отражение в топонимии наименований представителей животного мира. Белка, лось, заяц - основные промысловые животные - практически полностью игнорируются вепской топонимией. Тетерев и глухарь - главные промысловые птицы - представлены в географических названиях значительно более скудно, чем, к примеру, журавль (*Kurgoo*, *Kurgjätv*, *Kurgoja* и т.д.) или лебедь (*lucsoiäätv*, *Juustoja*, *Uensero* и др.). К числу популярных вепских топонимов относятся и слово 'лягушка'. Присутствие данной топонимии достаточно трудно объяснить с прагматических позиций. Таким образом, выделенный ряд топонимов не накладывается на иерархический ряд промысловых животных. В чем причина? Возможно, все эти обстоятельства, трудно объяснимые с позиций отражения реального мира, связаны с отголосками мифологических представлений вепсов, с той ролью, которая отводилась определенным животным в картине мира местных жителей края в условиях промысловой культуры, "на охотничьей стадии развития хозяйства, когда животные не отделились со всей резкостью от человеческого коллектива" (МММ). Вепская топонимия отдает явное предпочтение животным, известным в финской (в широком смысле) мифологии - журавлю, лебедю, лягушке, а также медведю, с которыми связаны многие названия водных объектов типа *Kondiäätv*, *Kondiöja*, *Kondisara*, : Медведьозеро, р. Медвежка и т.д. Примечательно, что часто гидронимы с основой *kondi* 'медведь'

имеет определенную, достаточно характерную географическую привязку – верховье водной системы, прилегающие и водораздельные гидрообъекты. Такая конкретная привязка дает дополнительные аргументы в пользу мифологической основы топонимов этой серии: финно-угорская традиция часто привязывала и медведя к верхнему миру (ММ). Жизнь древних обитателей Мезозерья теснейшим образом была связана с водой, водными путями. Реки и озера служили практически единственными дорогами. Повседневная хозяйственная, экономическая жизнь (охота, рыболовство, сельское хозяйство, лесные угодья) чаще всего замкалась рамками конкретного водного бассейна, границы которого превращались в границы освоенного мира. Не исключено, что в мифологизированном сознании местного населения могло происходить наложение определенных явлений мифологической карты мира (верхний, нижний миры, их границы) на реальную карту местности, в частности, водный бассейн. В соответствие с этим медведь как представитель верхнего мира воплощался в названии озер и рек, расположенных в верховьях водной системы. Конечно, высказанное предположение чрезвычайно гипотетично, однако есть некоторые факты, обращающие на себя внимание в контексте данной гипотезы. В частности, существуют отдаленные географические названия, которые, с одной стороны, могут рассматриваться как метафоры, как некие образные топонимы, но с другой – могут содержать в себе и более глубокую семантику и представлять осколки целой системы топонимов, основанной на мифологических представлениях.

В прибалтийско-финской мифологии существует некий мировой столб, подпирающий небесный свод, имеющий несколько названий: *taivaanpää* 'небесный гвоздь', *maailmaperä*, *paavallas* 'мировой столб', *taivaanpää* 'небесный пуп'. Последний термин означает одновременно и неподвижную вершину мирового столба – Полярную звезду. В калевальской традиции слово *taivaanpää* известно также в значении 'высокая гора, вершина которой упирается в Полярную звезду' (Нагва 1948:42-48). Эти сведения приобретают особую важность в контексте кивновепской топонимии, которой известны две горы под названием *Taivastab(a)* в переводе 'небесный пуп'. Кроме того, есть основания полагать, что та же семантика, тот же образ лежит в основе названия *Nabnagi* 'лупо-

вая гора', которая также расположена в ареале расселения кивновепсов. Эти примеры свидетельствуют, во-первых, о том, что традиционный элемент прибалтийско-финской картины мира (фин. *taivaanpää*, вепс. *taivastaba*) был, видимо, известен и вепсам. Топонимия сохранила и донесла сведения о нем до наших дней. Во-вторых, эти топонимы являют собой пример того, как мифологический мир накладывается на реальную картину местности.

Для обозначения мирового столба в прибалтийско-финской (финской, эстонской) традиции существовал и упоминавшийся выше термин (*paav*) *vaipa* или (*paav*) *vaipaa* 'золотой столб, подпирающий небо', и находящаяся на его вершине Полярная звезда, вокруг которой вращается небесный свод. Предполагается, что в одно этимологическое гнездо с этим словом входит и название калевальской чудо-мельницы *vaipa* (ЗЕВБ). Современному вепсовскому языку соответствующее слово не известно, однако есть целая серия топонимов с центром в средневековом ареале с основой *vaib-* или *vaibas-* (*Sambjādv* – неоднократно, *Sambjādv*, *Sambasjādv*, *Samboja*, *Sambava*, на обрусевшей территории многочисленные Самбозеро). Есть ли основания рассматривать эти топонимические примеры как подтверждение былого существования мифологического термина и соответствующего ему понятия у вепсов? Следует признать, что они далеко не столь убедительны, как предыдущий термин (*taivastaba*). Если кивновепский термин *taivastaba* привязан на местности к возвышенностям, горам – факт, наглядно подтверждающий семантику, то основа *vaib-(av)* функционирует преимущественно в наименованиях озер. Нет четкого, наглядного, убедительного соответствия между объектом ландшафта и содержанием термина. Не следует, однако, так легко отступать от этой любопытной топонимии. Если проанализировать географическое расположение озер, в названиях которых выступает основа *vaib-*, то окажется, что все они без исключения расположены, так сказать, на краю водной системы или, иначе, является крайними в цепи озер и ручьев определенной водной системы. Они прилегают к пограничной зоне, отделяющей один водный бассейн от другого. В связи с этим географическим обстоятельством чрезвычайно важно то, что в некоторых прибалтийско-финских языках (в финском, эстонском) слово

вапса, вапса имеет помимо мифологического и более утилитарное, земное значение 'столб', а также - что особенно важно для нашего случая - 'межевой знак, пограничный камень' (СЖЭС). А уже эта семантика прекрасно привязывается к местности и вполне естественна для названий озер, расположенных на границе водной системы. В данном случае перед нами пример того, что в древнем вепском мире границы водной системы могли совпадать с границами своей (возможно, родовой) территории. Древним вепсам было определено известно если не магическое, то социальное значение утраченного ныне термина *vaamb(aa)*, а, следовательно, и сам институт межевых знаков.

В этом же контексте заслуживает внимания и система "святых" топонимов - прежде всего, названий озер и рек - с основой *riiä* 'святой' (*Riinäjälgv*, *Riinäjoja*, в русском употреблении *Пигозеро*, *Пигурчей*, хотя чаще *Святозеро*, *Святтрека* и т.д.). Следует уточнить, что в современных вепских говорах за словом *riiä* закрепилось вторичное значение 'пост', которое развилось под воздействием православной традиции: святое, т.е. праздничное время по православным представлениям сопряжено с постом. Прежняя же семантика вепского *riiä*, безусловно, 'святой, священный', что подтверждается родственными прибалтийско-финскими языками - карельским, финским, эстонским, сохранившими это значение. Оно отмечено и в некоторых русских переводах топонимов на современной или бывшей вепской территории, где неоднократно встречается озеро с названием *Садтозеро* и реки *Святрека*, *Селтука*, *Святозерка*.

В связи с вепскими "святыми" названиями обращает на себя внимание та же закономерность, которая выявилась в топонимах с основой *vaab-* - все они привязаны к водораздельным озерам и рекам. Все "святые" озера и реки в Мезозерье - последние, крайние в цепи озер и рек внутри водной системы. За ними начинается водораздел и другой водный бассейн. Иначе говоря, "святые" озера являются пограничными, отделяющими свою, освоенную землю от чужой, неведомой.

Вепская традиция не составляет, видимо, исключения в прибалтийско-финском окружении. Замечено, к примеру, что в Финляндии и Эстонии топонимы с основой *riiä* привязаны к древ-

ним, восходящим еще к железному веку, родовым границам и служили, таким образом, своеобразными пограничными знаками (Suvanto 1972:54). По нашим наблюдениям и материалам, система "святых" гидронимов, привязанных к водораздельным гидрообъектам, существовала и в карельской топонимии, а также в топонимии на территории обрусевшей Карелии (особенно в Пудожье) и на западе Архангельской области.

Эта система названий имеет, безусловно, большое культурно-историческое значение, позволяя при отсутствии древних карт, старых письменных документов реконструировать былые границы владений, намечать пути освоения вепсами территории Мезозерья. Вместе с тем за этой системой "святых" топонимов скрывается и другая, магическая семантика, проявляющаяся непосредственно через значение лексемы *riiä* 'святой, священный' *.

Предшествующие наблюдения убеждают в том, что топонимическая система способна аккумулировать определенные сведения по духовной культуре, верованиям народа. Этот материал не столь уж обширен, однако в силу того, что само духовное наследие вепсов сохранилось лишь во фрагментах, особенно ценен. В некоторых ситуациях топонимы оказываются прочнее самой традиции, отголоски которой обнаруживаются в географическом назва-

* Следует учесть тот факт, что религиозно-магическое значение прибалтийско-финского *riiä* видимо, не изначально. Существует предположение И. Хакулинена о том, что оно развилось из ранней семантики 'ограда, лагерь' через посредство значения 'выделенное (огороженное) для религиозных целей место' (Хакулинен 1965, с.87). Возникает вопрос, в какой семантике слово *riiä* в таком случае закрепилось в гидрониме, иначе - на каком этапе семантического развития лексемы это произошло? С учетом географической характеристики гидрообъектов с основой *riiä* нельзя исключить и более древнего мифологического значения: упомянутые водные объекты служили своеобразной оградой границей своей, освоенной территории. Во всяком случае такое предположение кажется логичным.

нии. К примеру, в топонимии, видимо, сохраняется память о древнем поклонении деревьям, бытовавшем у вепсов. Об этом свидетельствует само содержание топонимов: Juuhäredai 'божья сосна' у живых вепсов, Pühäredai 'святая сосна' у оятских вепсов, Puhoredai - букв. 'закрученная сосна'. Это название встречается в топонимии Приюлья и восходит к вепсскому puhoda 'вить, крутить'. Имеется в виду сосна, ствол которой образует петлю. Этим деревьям приписывалась магическая защитная сила. Показательно, что названия имеют только сосны, в чем, видимо, отражается особая роль сосны в представлениях местных жителей. По нашим наблюдениям, такая же закономерность присуща и топонимии Заонежья и Пудожья: и там предпочтение отдается соснам.

Любопытные отголоски культа предков обнаруживаются в целой серии топонимов Koosäit-käniäit (вепс. koos (ad) 'кладбище'), распространенной в ижовепском ареале, а также на смежной средневепсской территории (географически это верховья рек Катша и Лидь). С некоторыми из географических объектов под названием Koosäit связаны предания о том, что здесь похоронены местные жители, погибшие от нападения литвы (иногда - татар). В отношении других урочищ известно, что в них нельзя рубить деревья, мимо них опасно проходить ночью, в них "чудится" и т.д., т.е. налицо характерный комплекс представлений, связанных с культовыми местами. Этнографы предполагают, что первоначально Koosäit-käniäit - это священное кладбище, на котором были похоронены предки-покровители рода (Винокурова 1988: II).

Не исключено, что терминология, указывающая на культ предков, была на разных участках вепсского Межозерья различной. К примеру, в Приюлья на него могут указывать топонимы Roäinkoosnad (koosnad 'могилы', т.е. 'могилы рочи'), Roäinkofo ('коф' 'лес'), Roäid., содержащие общий элемент roä, отголоски древнего мифологического значения которого до сих пор сохранились в современном значении 'пекрежденный (ребенок)'. На мифологическое содержание слова может указывать и то, что с некоторыми из мест, в названии которых выступает элемент roä связаны предания о живших там некогда за массивами железными воротами великанах.

У Белозерских вепсов зафиксировано два урочища под названием Raana, которые, возможно, также были связаны с культом предков, на что помимо семантики слова, закрепившегося в топониме /ср. вепс. raana (naana) 'хоронить'/, указывают и предания о живших там некогда панах (panad), захоронивших себя в земле.

Наконец, в Шимозерье и на смежной русской территории такое указание на древние вепсские культовые места может содержаться в серии топонимов с элементом hiä (основа hide-): Hiväčv, Hitavč, Hiäoja, Hifte, Hidnes, Гижозеро, Ижноволок, Ижлахта и др. Лексема hiä не известна современным вепским говорам, однако сохранилась в родственных языках (фин. hiisi, кар. hiäi, hiäi, водское iz, эстонское hiis) с широким спектром значений (от 'черт, леший' до 'языческое святилище, священная роща'). В специальном исследовании, предпринятом в Финляндии, выявлена безусловная связь этих значений и восстановлена своеобразная семантическая цепочка развития значения слова и внутри одного языка, и от одного прибалтийско-финского языка к другому (Koski 1970). Весь круг значений, связанных с нечистой силой, слово приобрело лишь после принятия христианства. В дохристианское же время и в дохристианском прибалтийско-финском мире слово было непосредственно связано с языческими представлениями общества и обозначало священные роды, места захоронения и поклонения предкам. Видимо, есть основания предполагать, что вепские топонимы с элементом hiä (hide-) связаны с культовыми местами древних вепсов. Во всяком случае из всего семантического спектра лексемы значение места более других оправдано для топонимии и объясняет продуктивность основы в топонимике. Любопытно и то, что для одних из мест, в названии которых присутствует топоносова hiä, традиция культового места сохранялась вплоть до недавнего времени, ибо здесь стояла деревенская часовня или иногда церковь, как бы символизируя преемственность между языческими и христианскими святинами.

Предложенные заметки носят характер предварительных наблюдений и вызывают у самого автора немало вопросов, однако нет сомнения в ценности такого рода материала и в необходимости продолжать исследования в этом направлении. За пределами дан-

ной статьи осталась проблема отражения в топонимии пантеона
вепсских языческих божеств, совершенно не затронуты и топо-
нимические предания, которые нередко сохраняют отголоски
прежних верований, дальнейшей разработки требует и проблема
принципиальной возможности перенесения мифологической карты
мира на реальную карту местности. Надо полагать, что она
должна решаться для территории вепсского Межозерья и Каре-
лии с привлечением доприбалтийско-финских данных (саамских,
праприбалтийско-финско-саамских), отражающих промысловый
тип культуры населения со свойственным ей мифологическим
сознанием.